

Годъ изданія десятый.

НОЯБРЬ.

№ 2.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ (стих.).
МОРЯЧОКЪ (повѣсть).
ПЕЧАЛЬНЫЙ ЛѢСЪ (стих.).
ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
КЪ СОЛНЫШКУ.
ГОЛОВЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 2 Ноябрь. 1916.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

У ручейка.

ПЕРЕДЪ ОСЕНЬЮ.

Вчера кричали журавли
И на душѣ такъ грустно стало!..
Еще цвѣты не отцвѣли,
Еще и лѣта не бывало,
А лишь дожди все шли, да шли,
И небо холодомъ дышало.

И вотъ теплу конецъ пришелъ!
Ужъ нѣтъ ни грома, ни зарницы!..
Туманны небо, лѣсъ и долъ
И собрались къ отлету птицы...
И только чижики, да щеголь,
Да развѣ юркія синицы

Въ деревнѣ будутъ зимовать...
И жалко, жалко покидать
И садъ, и лѣсъ, съ ихъ птичьимъ
пѣньемъ
Но ѣхать надо, чтобъ опять
Ждать снова лѣта съ нетерпѣньемъ.

Кузнечикъ.

МОРЯЧОКЪ.

(Исторія одной поѣздки).

Былъ теплый, іюльскій вечеръ. Высокіе тополи, раскидистые каштаны и акаціи, окружавшіе хуторокъ, едва слышно перешептывались между собою, а отъ конопли доносился еле уловимый аромать. Вокругъ тополей гудѣли майскіе жуки, въ воздухѣ висѣли мошки, а въ поляхъ пшеницы раздавались крики перепеловъ. На крышѣ сарая аистъ укладывался на ночлегъ.

— Нѣтъ, видно придется-таки писать къ брату... вздохнула Марья Игнатьевна.— Больше дѣлать нечего.

Думала она объ этомъ уже около года, съ тѣхъ поръ какъ умерла

ея родная сестра и оставила на ея рукахъ своего десятилѣтняго сына Сережу. Этого Сережу теперь нужно было отдавать учиться, а гимназія находилась далеко, въ ста верстахъ отъ хуторка, да и все-равно нечѣмъ было-бы платить за его ученье и за содержаніе его на сторонѣ. Что-же было дѣлать? Отдавать Сережу въ городъ въ лавочки—было жалко, оставалось только написать къ брату.

Со своимъ братомъ Марья Игнатьевна не видалась уже десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ какъ еще въ хорошія времена онъ поѣхалъ искать

счастья на Югъ и, оставшись тамъ навсегда, поселился въ Таганрогъ, она не знала о немъ ничего. Кое-когда, правда, до нея доходили слухи, что онъ торгуеть пшеницей и имѣеть свой домъ—и только. Отъ самого-же его не было ни слуху, ни духу.

«Написать брату...» думала она.— «Можетъ быть, онъ какъ-нибудь пристроить Сережу. А такъ мальчика безъ ученья оставить никакъ нельзя».

И она еще скорѣе стала перебирать спицами отъ чулка.

Затѣмъ, крехтя, она поднялась со ступеньки, свернула чулокъ и, сдвинувъ на лобъ очки, вошла къ себѣ въ домикъ, долго рылась въ комодѣ и разыскавъ наконецъ почтовую бумагу и конвертъ, стала придумывать, о чемъ писать, и не выдумавъ ничего, вышла на террасу

— Сережа! крикнула она.—Гдѣ ты?

— Я здѣсь, тетенька! донеслось съ рѣки.

Она отправилась черезъ садъ къ рѣкѣ. Въ саду было мирно и тихо и уже становилось прохладно отъ наступившаго вечера. Сережа сидѣлъ на мостикѣ по турецки и сосредоточенно глядѣлъ на поплавокъ.

— Все рыбку ловишь? обратилась къ нему Марья Игнатьевна и ласково потрепала его по щекѣ.—Ну, лови, лови... А я все дяденькѣ думаю написать, да никакъ не придумаю. Хорошо ловится?

Онъ сталъ показывать ей, сколько и какихъ наловилъ рыбъ.

— Ну, Богъ съ ними, Богъ съ ними! сказала она.—Послѣ увижу! Приходи скорѣе ужинать!

Она опять жалостливо потрепала его по щекѣ и пошла обратно въ домъ. Эта прогулка точно-бы вдохновила ее: она зажгла свѣчу, сѣла за столъ, сразу написала къ брату цѣлое письмо, запечатала его и свободно вздохнула. Точно гора свалилась у нея съ плечъ.

Часовъ въ девять съ рѣки возвратился Сережа. Тетушка усадила его за столъ, поставила кринку кислаго молока и стала съ нимъ ужинать. А когда послѣ ужина Сережа улегся спать, она потихоньку, чтобы не разбудить его, вышла на цыпочкахъ изъ спальни и, пройдя черезъ весь дворъ къ сараю, кликнула сторожа Филиппа, вручила ему письмо и приказала ему завтра чуть свѣтъ отвезти его въ городъ на почту.

Дней черезъ двадцать тетушка Марья Игнатьевна получила изъ Таганрога отвѣтъ. Дрожащими отъ волненія руками она стала шарить по комоду, отыскивая очки, и, найдя ихъ, сѣла въ кресло, перекрестилась и распечатала конвертъ. Вздолнованный Сережа стоялъ около нея и ожидалъ чего-то страшнаго.

«Любезная сестра Марья Игнатьевна», дрожащимъ голосомъ прочла она.—«Приношу вамъ глубокую благодарность, что вы вспомнили обо

мнѣ и написали. Что сказать вамъ относительно нашего племянника Сергѣя? Хотя я и не могу сейчасъ обѣщать вамъ ничего опредѣленнаго, однако же думаю, что дѣло какъ-нибудь устроится, если вы пришлете Сережу прямо ко мнѣ и немедленно. Я, славу Богу, живъ и здоровъ, торгую пшеницей, живу своимъ домкомъ и радуюсь на дѣтей; у меня ихъ трое: мальчикъ и двѣ дѣвочки. Жена же моя, волею Божіею, скончалась годъ тому назадъ и теперь мои дѣти—сироты. Жаль ихъ бѣдныхъ, такъ какъ очень скучаютъ по своей матери, да дѣлать нечего. Противъ судьбы не пойдешь. Еще разъ спасибо вамъ, что вспомнили обо мнѣ и написали. Давно, очень давно не получалъ отъ васъ писемъ. Остаюсь вашъ братъ Федоръ Тимошенко».

Тетушка Марья Игнатьевна положила письмо на столъ и стала вытирать платкомъ глаза.

— Спасибо и ему, голубчику, что отвѣтилъ... сказала она.—Дай Богъ ему здоровья... И она еще разъ вытерла глаза.

— Ну, Сереженька, медлитъ нечего... продолжала она.—Куй желѣзо, пока горячо. Я уже все передумала... Завтра же пошлемъ Филиппа на ярмарку корову продавать, авось рублей сорокъ выручимъ, да и поѣдемъ вмѣстѣ. Одного тебя я не пущу: страшно; да кстати и съ братомъ повидаюсь...

— А скоро мы поѣдемъ?—спро-

силъ вдругъ обрадованный предстоящей поѣздкой Сережа.

— Какъ продадимъ корову, такъ и поѣдемъ... Море увидимъ; говорятъ, ему и конца-краю нѣтъ... А корабли, говорятъ, тамъ такіе плаваютъ, какъ нашъ домъ... Тамъ, Сереженька, весело жить. Не даромъ твой дядя тамъ остался навсегда.

— А рыба тамъ на удочку идетъ?

— Не то, что рыба, а, говорятъ, цѣлые осетры да стерляди идутъ.

И, запрыгавъ отъ радости, Сережа съ крикомъ: «поѣдемъ! поѣдемъ!» выбѣжалъ въ садъ, а тетушка Марья Игнатьевна пошла въ хлѣвокъ, гдѣ двѣ коровы жевали сѣно, и долго гладила одну изъ нихъ по шеѣ: старушкѣ жалко было разставаться съ нею. Потомъ она снова возвратилась въ домъ, снова взялась за чулокъ и сѣла по-прежнему на крыльцѣ, но уже думала о другомъ: теперь она мечтала уже о свиданіи съ братомъ и только по временамъ морщилась при воспоминаніи о коровѣ.

Начались сборы, длившіеся около недѣли, и наконецъ въ одно утро хуторокъ опустѣлъ: Марья Игнатьевна и Сережа выѣхали на Югъ. Марья Игнатьевна долго не могла оторвать глазъ отъ своего роднаго хутора и даже всплакнула. Когда же высокіе тополи утонули наконецъ въ котловинѣ и отъ хутора не осталось видно уже ничего, она перекрестилась, перекрестила то

мѣсто, гдѣ онъ исчезъ, и сказала: — «Ну, оставайся съ Богомъ!»

Около двухъ сутокъ ѣхали они на лошадахъ и только къ вечеру третьяго дня прибыли наконецъ въ городъ и здѣсь сѣли въ поѣздъ желѣзной дороги. Марья Игнатьевна отпустила Филиппа со слезами на глазахъ и напутствовала его всевозможными пожеланіями.

Къ поѣзду едва поспѣли. Въ попыхахъ вскочили въ вагонъ и, коекакъ занявъ мѣсто, съ трепетомъ стали ожидать того момента, когда тронется поѣздъ: никогда въ жизни они еще не ѣздили по желѣзной дорогѣ. Когда же поѣздъ тронулся, имъ показалась ѣзда въ вагонѣ такой удобной и покойной, что несмотря на тѣсноту и духоту, они усталые и разморенные, тотчасъ же заснули въ сидячемъ положеніи и этотъ сонъ на голыхъ доскахъ показался имъ въ нѣсколько разъ крѣпче и слаще того, какимъ они спали на телѣгѣ и въ еврейскихъ постоянныхъ дворахъ на пути изъ хутора въ городъ.

На слѣдующій день, въ пятомъ часу, въ далекой синевѣ степи передъ ними уже мелькнулъ Таганрогъ. Сережа видѣлъ передъ собою только блестящія вдаль двѣ главы церкви и много зелени, но никакъ не могъ разглядѣть, гдѣ море, гдѣ корабли величиною съ ихъ хуторъ и гдѣ домъ дядюшки, который почемуто казался ему такимъ большимъ,

что могъ-бы быть видѣнъ за нѣсколько верстъ.

— Тетенька, да гдѣ-же море? то и дѣло спрашивалъ онъ у тетки. — Гдѣ корабли?

Тетушка Марья Игнатьевна и сама искала ихъ, но никакъ не могла найти.

«Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ они?» раздумывала она. — «Вѣдь море не иголка, сразу увидишь!»

Но вотъ поѣздъ круто поворачиваетъ влѣво и вѣзжаетъ въ цѣлюю сѣть рельсъ, по дорогѣ попадаютъ цѣлыя вереницы товарныхъ вагоновъ локомотивы, водокачки, почернѣвшее отъ дыма депо, стрѣлочники и, наконецъ, въ окнахъ мелькаютъ уже столбы крытой платформы вокзала, жандармы, начальникъ станціи и толпы встрѣчающихъ и провожающихъ. Раздается свистокъ и поѣздъ останавливается. Пятисотъ верстъ какъ не бывало!

Полчаса спустя, они уже ѣхали по улицамъ, обсаженнымъ, акаціями, рядами тянущимися вдоль тротуаровъ. Акаціи цвѣли бѣлыми гроздьями и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ стоялъ ароматъ. На улицахъ движенія не было, на окнахъ были опущены занавѣски и закрыты ставни и, казалось, весь городъ спалъ.

Но вотъ и улица, на которой живетъ Федоръ Игнатьевичъ, вотъ и его домъ маленькій, въ три окна, весь заросшій деревьями и кустами. Извожикъ остановился у воротъ, а Марья Игнатьевна съ трепетомъ

толкнула калитку. Калитка оказалась запертой. Она дернула въ звонѣкъ и вдругъ цѣлая стая собакъ съ лаемъ бросилась къ воротамъ.—«Ну, васъ!» раздался чей-то голосъ по ту сторону забора.—«Ишь, разлаялись! Пошли на мѣсто!» И вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась и въ ней показалась полная сѣдая старушка.

— Здравствуйте, сказала она.— Вамъ кого?

— Здѣсь Федоръ Игнатьевичъ живеть? спросила Марья Игнатьевна.

— Здѣсь... А вамъ на что?

— Можно ихъ видѣть? Скажите имъ, что полтавскіе родственники къ нимъ пріѣхали!

Женщина сразу преобразилась.

— Ахъ родненькіе!.. заговорила она.— Да пожалуйте-же къ намъ скорѣй! Побѣгу, Федору Игнатьевичу скажу!

И чуть не бѣгомъ она бросилась черезъ весь дворъ и скоро вмѣсто нея вышелъ самъ Федоръ Игнатьевичъ.

— Голубушка моя! воскликнул онъ, раскрывая руки для объятій.— Милая моя! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Марья Игнатьевна заплакала и бросилась брату на грудь. Изъ дома выскочили двѣ дѣвочки и гимназистъ, бросились къ Сережѣ, схватили узелки, которые онъ держалъ, уставшія лаять и сообразившія, въ чемъ дѣло собаки, визжали и ласково виляли хвостами, а женщина,

отворявшая калитку, все время хваталась то за узель, то за чемоданъ и все приговаривала:—

— Ахъ, Господи!.. Охъ, батюшки!..

— Да будетъ тебѣ ахать и охать! обратился къ ней Федоръ Игнатьевичъ.— Поди-ка лучше, няня, столъ поскорѣе накрой!

Няня съ узлами побѣжала впередъ а счастливая отъ радушнаго пріема Марья Игнатьевна окруженная семьею брата и все еще расстроганная, отправилась въ домъ и не вѣрила, что она у брата.

Столъ былъ накрытъ на дворѣ подъ большимъ деревомъ, въ кружкѣ, образуемомъ кустами розъ, бывшими въ полномъ цвѣту. Суется и бѣгая, насколько ей позволяла ея полнота, няня устала столъ чѣмъ Богъ послалъ, принесла самоваръ и заварила чай, а двѣ дѣвочки нарвали букетъ изъ розъ и поставили его въ комнатѣ, отведенной для гостей. А когда пообѣдали и запили обѣдъ чаемъ, то Федоръ Игнатьевичъ обратился къ гимназисту:

— Николенька, сказалъ онъ,— ты-бы поводишь Сережу по городу, показалъ ему море, каменную лѣстницу! До вечера еще успѣете!

Николенька и Сережа выскочили изъ-аа стола, насилу нашли свои фуражки, которыя со встрѣчей куда-то затерялись, и побѣжали гулять.

На городъ спустился нѣжный, теплый вечеръ. Вездѣ открылись

окна, отворились тяжелыя ставни и на тротуарахъ кое гдѣ появилась публика. Въ воздухѣ еще гуще скопился ароматъ отъ бѣлыхъ акацій, и изъ городского сада доносилась музыка. Мальчики прошли двѣ-три улицы и вотъ Сережа у моря. Оно сѣрое, некрасивое, но Сережа никогда еще не видалъ такого множества воды и оно кажется ему цѣлымъ океаномъ. Большая каменная лѣстница тянется передъ нимъ отъ города внизъ къ морю, направо виднѣются мачты кораблей, кое-гдѣ бѣлѣютъ паруса рыбачихъ лодокъ и горизонтъ едва замѣтной линіей красноватаго берега отдѣляетъ небо отъ воды.

Мальчики сходятъ по лѣстницѣ къ самому морю, пропускаютъ мимо себя товарный поѣздъ и идутъ къ пристанямъ. Тотчасъ-же начинается отваливать отъ одной изъ нихъ пароходъ. Па парходѣ и на берегу машутъ платками, прощаются, и выросшему въ степномъ, одинокомъ хуторкѣ Сережѣ кажется все это диковиннымъ и похожимъ на то, что можно видѣть развѣ только во снѣ.

Такъ вотъ оно море, вотъ онъ пароходъ, которые такъ хотѣлось ему видѣть!

И онъ стоялъ и смотрѣлъ на нихъ и ему не хотѣлось вѣрить, что онъ дѣйствительно уѣхалъ такъ далеко отъ родного хутора и теперь стоитъ на берегу и самъ, своими глазами, видитъ всю эту картину.

Прошло десять дней. Теплые, ясные дни разомъ смѣнились холодомъ и непогодой. Задулъ рѣзкій, сѣверо-восточный вѣтеръ, пыль облаками стала носиться по улицамъ, деревья пригибались къ землѣ. Море вспѣнилось, заворчало и сердитыми волнами полѣзло на берегъ. Иногда надъ городомъ нависали черныя тучи, раздражались громомъ и молніей и въ беспорядкѣ, безъ дождя, уходили. Всѣ тротуары были покрыты слоемъ осыпавшихся цвѣтовъ акацій, въ городскомъ саду прекратились гулянья и каждый вечеръ съ моря доносилось суровое ворчанье волнъ. Сережа не любилъ этого ворчанья. Увидавъ однажды бушевавшее море и еле держась отъ вѣтра на краю обрыва, онъ испугался бѣсновавшейся воды и такъ еще недавно восхищавшійся моремъ, возненавидѣлъ его отъ всей души.

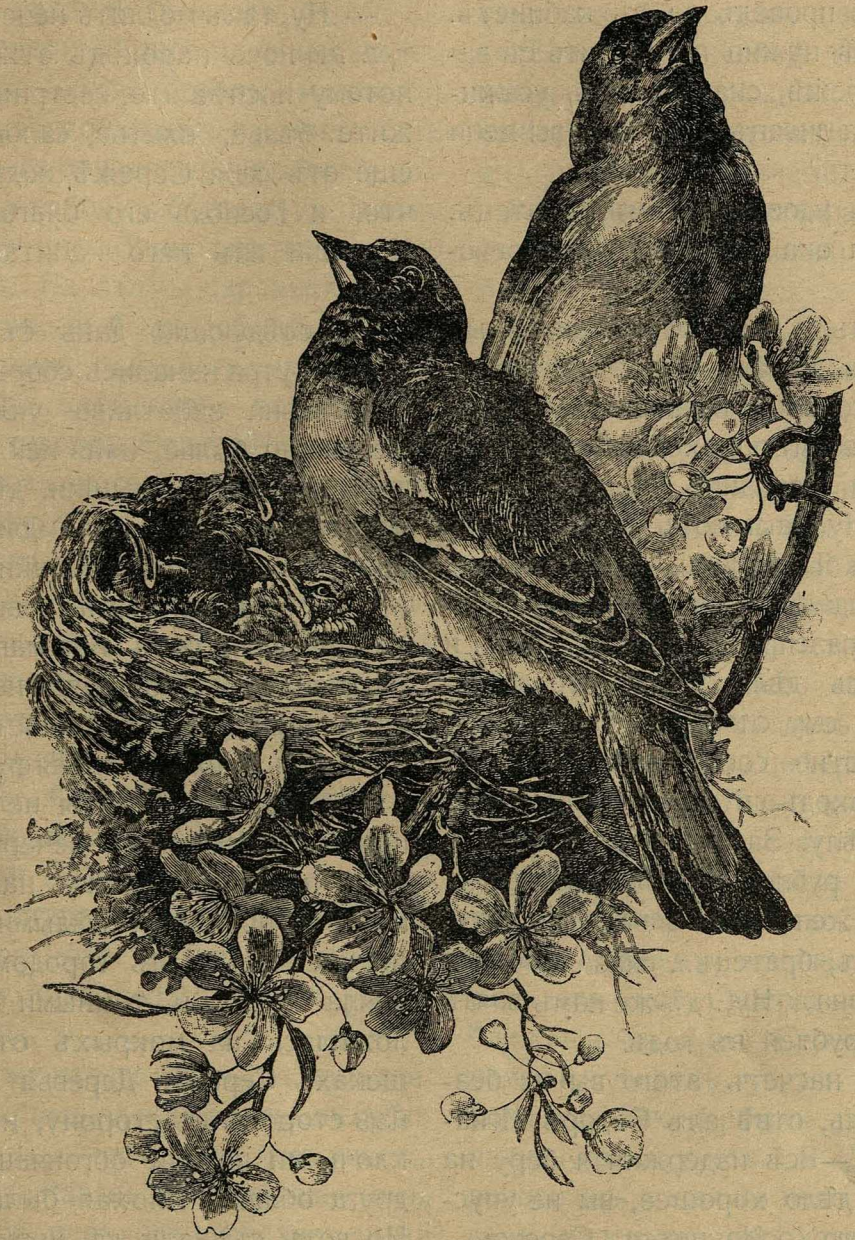
Въ одинъ изъ такихъ бурныхъ вечеровъ, когда Марья Игнатьевна, собравъ вокругъ себя дѣтишекъ, рассказывала имъ сказки, въ комнату вошелъ запоздавшій Федоръ Игнатьевичъ. Онъ помолился на образа, и сѣлъ рядомъ съ сестрою.

— Сказки рассказываете? спросилъ онъ.—Ну, вотъ и хорошо! Послѣ матери-то имъ некому рассказывать: мнѣ не до сказокъ, а няня не умѣетъ... Спасибо вамъ!

— Неначѣмъ, братецъ... отвѣтила она.—Я и сама до смерти люблю съ дѣтьми разговаривать.

Первый разговоръ.

У гнѣздышка.

Федоръ Игнатьевичъ дождался окончанія сказки и когда дѣтей уложили спать, онъ подозвалъ къ себѣ сестру и провель ее въ кабинетъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ вами о Сережѣ, сказалъ онъ, усаживая ее на диванъ.— Можете вы меня выслушать?

— Съ удовольствіемъ, братецъ, отвѣчала она и почему-то встревожилась.

— Есть у меня одинъ знакомый капитанъ, началъ Федоръ Игнатьевичъ,—который весь свѣтъ объѣздилъ на своемъ пароходѣ «Дельфинъ». Хорошій господинъ, образованный такой... Ну, такъ вотъ онъ приплылъ вчера въ Таганрогъ,—и сейчасъ ко мнѣ, увидалъ меня на гавани. Начались разспросы, что и какъ, и кончилось дѣло тѣмъ, что я замолвилъ ему словечко за Сережу. Онъ охотно согласился взять его на пароходъ и обучить его морскому дѣлу. За столъ и за ученье всего 15 рублей въ мѣсяцъ беретъ. Учиться же надо не менѣе пяти лѣтъ.

— Ахъ, братецъ... сказала Марья Игнатьевна.— Ну, гдѣ же намъ взять по 120 рублей въ годъ?

— Да насчетъ этого вы не безпокойтесь, отвѣчалъ Федоръ Игнатьевичъ.— Всѣ издержки я беру на себя. А дѣло хорошее, вы не упускайте его... Научится Сережа,—самъ капитаномъ будетъ... Такія деньги загребать начнетъ, что и рукой до него не достанешь. Что же, вы согласны?

— Да какъ-же и не согласиться-то. Господи! Ужъ и вы-то плохого не посовѣтуете!

— Ну, такъ медлить нечего... Завтра въ ночь пароходъ отходить, а потому поспѣшите, сестрица... Уложите бѣлье, платье, сапоги, да я еще отъ себя Сережѣ подарю кое-что, и Господь его благословитъ! Хорошій изъ него капитанъ выйдетъ!

На слѣдующій дннь съ самого ранняго утра начались сборы. Марья Игнатьевна заботливо укладывала Сережино бѣлье, няня пекла на дорогу пирожки и пышки, дѣвочки и Николенька увязывали для своего пріятели краски, кисточки, бумагу и т. п., а Федоръ Игнатьевичъ часа четыре переходилъ изъ магазина въ магазинъ, пока наконецъ не купилъ для племянника полного костюма, начиная отъ сапогъ и кончая фуражкой.

А между тѣмъ буря не прекращалась. Когда подъ вечеръ дядя и тетя повезли Сережу на гавань, пыль по-прежнему цѣлыми облаками носилась надъ городомъ, залѣпляла глаза и темными пятнами ложилась на мокрыхъ отъ слезъ щекахъ Сережи. Деревья метались изъ стороны въ сторону, и по небу клочьями ползли обгонявшія другъ друга облака. Плохая была погода! Но вотъ съѣхали къ морю. Здѣсь было еще хуже: скрипѣнье шкунъ и баржъ, шумъ волнъ, вой вѣтра въ корабельныхъ снастяхъ—все это навело на Сережу страхъ.

— Дяденька, я не утону? спросил онъ дрожащимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Сереженька... отвѣчалъ дядя.—Такія-ли бываютъ бури!

У берега мѣрно покачиваясь съ боку на бокъ, стоялъ маленькій рейдовой пароходикъ и дымилъ. Онъ собирался отчаливать отъ берега до рейда и рабочіе, бѣгая по узенькому мостику, поспѣшно нагружали его кулями. На этомъ пароходѣ Сережа долженъ былъ доѣхать до рейда и тамъ пересѣсть на большой пароходъ, капитаномъ котораго состоялъ пріятель Ѳедора Игнатьевича. Раздался свистокъ. Марья Игнатьевна прижала Серезу къ груди и долго потомъ его крестила. Сережа плакалъ. Онъ не зналъ, куда и за чѣмъ онъ плыветъ, чему онъ долженъ будетъ учиться и скоро-ли возвратится обратно, и это заставляло его плакать еще больше.

— Ну, Сереженька прощай! сказалъ Ѳедоръ Игнатьевичъ.—Рости большой и будь умникомъ... Слушайся старшихъ и передай капитану вотъ это письмо... Да смотри, въ воду при пересадкѣ не упади! Прощай...

Серезу кто-то вѣлѣлъ, на капитанскую площадку, приказалъ ему крѣпко держаться за перила и не упасть, и ушелъ. Раздался другой свистокъ, третій и пароходъ, подхваченный волной, какъ мячикъ, отскочилъ отъ берега и, переваливаясь изъ стороны въ сторону, понесся по волнамъ, Сережа крѣпко ухватился

за перила и уже не плача, а чувствуя передъ моремъ ужасъ, сталъ смотрѣть на берегъ. Но въ сумеркахъ онъ не увидалъ своихъ. Онъ видѣлъ передъ собой только рядъ фонарей на набережной, да разбросанные по горѣ огоньки. А больше онъ не увидѣлъ ничего.

— Сереженька, прощай!.. донесся до него еле слышный голосъ съ берега.

Сереза услышалъ его и еще крѣпче схватился за перила. Это былъ послѣдній звукъ, который донесся до него съ берега, а далѣе онъ слышалъ только шумъ волнъ внизу и иногда подергивалъ плечами, когда налетавшій шкваль обливалъ его съ ногъ до головы. Около него мокрый матросъ вертѣлъ взадъ и впередъ какое-то колесо со спицами и все время не сводилъ глазъ съ ярко осовѣщеннаго циферблата. Изъ трубы вылеталъ цѣлый дождь искръ.

Но вотъ гдѣ-то сзади показался красный огонь и далеко отразился на кипѣвшихъ волнахъ. Это зажгли маякъ. Затѣмъ показался цѣлый рядъ огоньковъ впереди. При приближеніи къ нимъ Сереза сквозь темноту увидалъ мачты и большіе корабли. Это и былъ рейдъ. Начались крики, суета. Съ «Дельфина» доносилась какая-то неясная команда и маленькій пароходикъ потихоньку сталъ къ нему приставать. Теперь Сереза уже ясно могъ различить въ «Дельфинѣ» большой пароходъ съ массою огней и кучей

толпившагося на немъ народа. Пароходикъ присталь къ баржѣ, доверху наполненной товаромъ, которая бокъ-о-бокъ стояла съ «Дельфиномъ».

— Мостки! крикнулъ кто-то.

— Есть! послышался отвѣтъ.

И рыжій господинъ, тотъ самый, который приказаль Сережѣ покрѣпче держаться за перила, взялъ его на баржу, а съ баржи на большой пароходъ.

— Семеновъ, гдѣ капитанъ? спросилъ рыжій господинъ у проходившаго матроса.

— У себя въ каютѣ! отвѣтилъ матросъ и пошелъ дальше.

Рыжій господинъ повелъ Сережу между тюками товара, кучами набросаннаго на палубѣ, вошелъ съ нимъ въ какой-то темный узенькій корридорчикъ, потомъ снова вышелъ изъ него на заваленную товаромъ палубу и по крутой лѣсенкѣ повелъ его куда-то наверхъ. Здѣсь Сережа увидѣлъ маленькій домикъ съ зелеными занавѣсками на окнахъ, а въ домикѣ столъ, большіе круглые часы и шкафчикъ. У стола сидѣлъ бѣлокурый господинъ и что-то ѣлъ.

— Вотъ я мальчика привелъ, капитанъ, обратился къ нему рыжій господинъ.—Вашъ знакомый, господинъ Тимошенко, просилъ меня передать вамъ его съ рукъ на руки.

— Ахъ, очень пріятно... Покажите мнѣ его, штурманъ!

Дрожа отъ страха, Сережа сдѣлалъ два шага впередъ.

— Ухъ, какой маленькій! сказалъ капитанъ, оглядывая его со всѣхъ сторонъ.—Сколько тебѣ лѣтъ, карапузь?

— Одиннадцать... чуть слышно отвѣтилъ Сережа.

— А какъ тебя зовутъ?

— Сережа...

— Ну, ладно!.. Обратившись къ штурману, капитанъ сказалъ:—Пристройте его, пожалуйста, гдѣ-нибудь во второмъ классѣ, а завтра я улажу для него другое мѣсто.

Сережа вытащилъ изъ кармана дядино письмо, передалъ его дрожащими руками капитану и вмѣстѣ со штурманомъ снова побрелъ по темному корридору и по заваленной товарами палубѣ. На дорогѣ онъ вздрогнулъ: перекинувшаяся черезъ бортъ волна облила его съ ногъ до головы холодной водой и залилась ему за шею.

— Ничего, ничего! сказалъ ему штурманъ и сталъ спускаться съ нимъ куда-то внизъ, точно въ погребъ.

«Куда онъ меня ведетъ?» подумалъ Сережа, дрожа отъ холода и страха.

Дойдя до послѣдней ступени, штурманъ открылъ передъ нимъ дверь и ввелъ его въ большую комнату, со столомъ по срединѣ. По стѣнамъ комнаты въ три ряда тянулись койки, на которыхъ не было совершенно никого.

— Прилягте здѣсь, Сережа... сказалъ штурманъ.—Сейчасъ вамъ принесутъ сюда ваши вещи.

Онъ ушелъ и Сережа остался одинъ. Не раздѣваясь, онъ легъ на койку и долго не могъ уснуть. Онъ слышалъ сбоку, сейчасъ-же за бортомъ, злобные удары волнъ о пароходъ, чувствовалъ мѣрныя покачиванія, отъ которыхъ у него холодѣла кровь, и поминутно закрывалъ глаза при видѣ качавшейся изъ стороны въ сторону лампы. Отъ этихъ мѣрныхъ покачиваній парохода, отъ которыхъ койка то поднималась, то опускалась, Сережѣ сдѣлалось дурно. Онъ вскочилъ, бросился наверхъ и побѣжалъ по палубѣ, то и дѣло натыкаясь въ темнотѣ на тюки и хрустя ногами по разсыпанному углю. Желая забыться и тѣмъ избавиться отъ дурноты, онъ ухватился за бортъ, свѣсилъ внизъ и посмотрѣлъ внизъ на море: тамъ уже ничего не было кромѣ волнъ. Привезшій его пароходикъ уже ушелъ, баржу разгрузили. только далеко передъ нимъ горѣлъ красный маякъ и цѣлый рядъ огоньковъ показывалъ то мѣсто, гдѣ должно было находиться Таганрогу. Кругомъ шумѣли волны, иногда вспрыгивая на пароходъ и обливая Сережу съ ногъ до головы. Глядя на нихъ, на качавшуюся изъ стороны въ сторону мачту и то отпускаясь, то поднимаясь вмѣстѣ съ пароходомъ, онъ вспоминалъ, что тамъ, гдѣ теперь такъ привѣтливо мелькаютъ на горизонтѣ огоньки, тихо и мирно спятъ его родные и не знаютъ о томъ, какъ онъ несчастливъ. И онъ опу-

стился на скамью и сталъ плакать.

— Бѣдный я!.. всхлипывалъ онъ.— Зачѣмъ меня привезли сюда? Я здѣсь умру!

Кто-то подошелъ къ нему и взялъ его за плечо. Сережа поднялъ голову и узналъ въ немъ штурмана.

— Это вы, Сережа?—спросилъ штурманъ.—Да вы никакъ плачете? Идите-ка лучше спать! Пойдемте, я васъ провожу!

Сережа поднялся и послѣдовалъ за нимъ. Онъ ласково уложилъ его въ койку и вышелъ. Сережа лежалъ, думалъ о теткѣ и о хуторѣ и все еще никакъ не могъ привыкнуть къ ударамъ волнъ о стѣну и къ дурнотѣ.

А пароходъ все еще почему-то стоялъ.

Только подъ утро Сережа заснулъ, но не надолго. Его разбудили удары цѣпей о потолокъ и бѣготня по палубѣ. Онъ быстро вскочилъ, выбѣжалъ наверхъ и уже не увидалъ ни маяка, ни огней, ни темноты. Передъ нимъ на горизонтѣ виднѣлись только узенькая розоватая полоска земли, да два или три корабля.

Пароходъ несея на всѣхъ парахъ.

Проводивъ Сережу тетушка Марья Игнатьевна и Ѳедоръ Игнатьевичъ еще долго стояли на берегу стараясь разсмотрѣть въ темнотѣ удалявшійся отъ нихъ пароходикъ. Сначала они еще различали его по его огнямъ, а потомъ, когда онъ вошелъ въ группу кораблей, стоявшихъ вдали отъ берега на якорѣ и

точно такъ-же выставившихъ огни,—они совершенно потеряли его изъ виду и долго еще щурили глаза, чтобы увидать его снова.

Вокругъ нихъ бушевала непогода. Поднимая пыль и гудя на разные голоса въ снастяхъ шкунѣ, стоявшихъ у берега, вѣтеръ гналъ волны передъ собою и дробилъ ихъ на мелкія брызги. Пламя фонарей, тамъ и сямъ разбросанныхъ по гавани, мелькало изъ стороны въ сторону и каждую минуту готово было погаснуть. Что случилось съ моремъ? Чего ему надо? На что оно такъ разсердилось?

Печальные, понутивъ головы и прикрывая отъ пыли глаза, братъ и сестра пѣшкомъ поплелись домой. Ни слова не говоря, они стали подниматься по отлогому спуску въ городъ и долго еще безъ цѣли бродили по улицамъ и переулкамъ. А море ревѣло позади нихъ и вскакивало внизу на берегъ:—

— Тшш!.. Тшш!..

Когда няня отперла имъ калитку, то была уже темная ночь и дѣти давно уже спали. Тоскливо поужинавъ, братъ и сестра простились и разошлись каждый къ себѣ.

«Должно быть, онъ уже приплылъ къ рейду», подумалъ о племянникѣ Федоръ Игнатьевичъ, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и улегся спать.

А тетушка Марья Игнатьевна не спала цѣлую ночь. То ей казалось, что въ комнатѣ слишкомъ душно,

то ей представлялся Сережа въ бѣдственномъ положеніи. Раза два среди ночи она на цыпочкахъ выходила на дворъ и прислушивалась къ вою непогоды, точно стараясь услышать въ ней голосъ Сережи. Стоя на дворѣ, она невольно сравнивала тишину своего степного хутора съ этой приморской непогодой и рѣшила во что бы то ни стала завтра же уѣхать домой.

Мрачная, съ опухшими отъ слезъ глазами, едва только настало утро, Марья Игнатьевна стала собираться въ путь. Она быстро увязала узелки, уложила чемоданъ и въ одиннадцать часовъ вышла проститься съ братомъ. Никто не ожидалъ такого ея рѣшенія, всѣ всполошились и не повѣрили ей. Но когда она не на шутку послала за извощикомъ, то дѣти расплакались, а самъ Федоръ Игнатьевичъ позвалъ ее къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ ей:

— Сестрица, оставайтесь съ нами навсегда!

— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ... отвѣчала она.—Прощайте! Не могу слышать вашего моря, не могу выносить вашего города... Озлобилась я на него! Силъ моихъ нѣтъ уже больше!

— Оставайтесь, сестрица... все еще убѣждалъ ее братъ.—Дѣти мои такъ къ вамъ привыкли, вы будете имъ второю матерью!.. Право, оставайтесь!.. Вѣрьте мнѣ, я десять лѣтъ васъ не видалъ, а точно прожилъ съ вами всю жизнь...

— Нѣтъ, братецъ не держите! Уѣду, уѣду, уѣду! И видѣть этого города не хочу!

Федоръ Игнатьевичъ удивленно посмотрѣлъ на сестру и вышелъ съ нею изъ кабинета.

— Ну, дѣти, обратился онъ къ плакавшимъ дѣтямъ,—не хочеть ваша тетя оставаться съ нами! Уѣзжаетъ!

И помолившись на образа, онъ обнялъ сестру и самъ проводилъ ее на вокзаль.

Раздался свистокъ и въ окнахъ сначала медленно, а потомъ все скорѣе и скорѣе, замелькали столбы крытой платформы вокзала, вагоны, стрѣлочники, закоптѣлое депо... Услыхавъ подъ собою стукъ колесъ, Марья Игнатьевна почувствовала себя почти дома, но вспомнивъ, что ее и дома ожидаетъ разлука съ Сережей, упала на лавку и разрыдалась, какъ дитя... Она крѣпилась цѣлую ночь и теперь была рада, что расплакалась въ вагонѣ.

Послѣ слезъ ей стало легче. Тоска по Сережѣ и злоба на море, похитившее у нея племянника, мало по малу отлегли у нея отъ сердца. Она выглянула въ окошко, чтобы въ послѣдній разъ посмотрѣть на Таганрогъ, но онъ уже былъ далеко и только маковка соборной колокольни блестѣла на горизонтѣ.

— Прощай!.. Прощай!.. шептала она, глядя на него.—Придется-ли мнѣ увидѣть тебя еще разы!

И вотъ Марья Игнатьевна опять

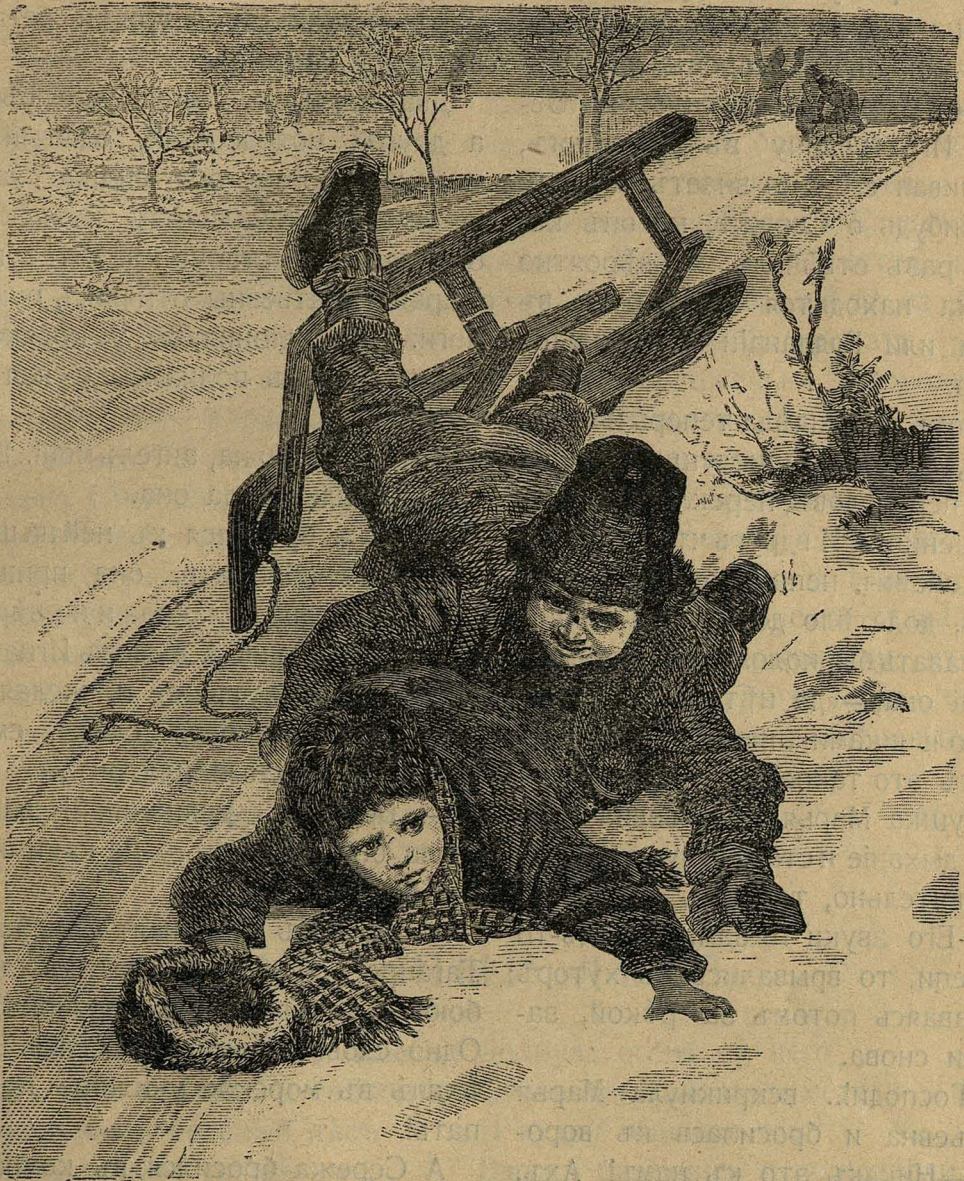
у себя на хуторѣ. Она по прежнему сидитъ на ступенькѣ террасы, вяжетъ безконечный чулокъ и по прежнему думаетъ думу. Но теперь она уже думаетъ не о томъ, куда пристроить Сережу, а о томъ, какъ-бы поскорѣе вернуть его обратно въ хуторъ...

Прошло четыре года. Тетушка Марья Игнатьевна, сильно состарившаяся за это время, сидѣла по-прежнему на порожкѣ своего флигелька, вязала чулокъ и припоминала то далекое уже время, когда она получила въ послѣдній разъ отъ Сережи письмо: этому пошелъ уже второй годъ. Что съ нимъ? Гдѣ онъ теперь? Всѣ его письма быстро промелькнули у нея въ головѣ. Сперва ей пришелъ на память тотъ бурный вечеръ, когда она въ послѣдній разъ простилась съ Сережей въ Таганрогѣ, потомъ ея возвращеніе на хуторъ, а потомъ неописанная радость при полученіи перваго Сережинаго письма. Въ немъ мальчикъ горько жаловался на свою судьбу, на бури, на разлуку съ тетушкой, но за то слѣдующія его письма были полны восторговъ отъ новой жизни и отъ всего, что онъ видѣлъ по дорогѣ. Восторженно, но какъ умѣлъ, онъ описывалъ Черное море, Крымскія горы, Севастополь, письмо-же изъ Константинополя было полно изумленія отъ новой, неизвѣстной ему страны.

Затѣмъ онъ написалъ ей письмо изъ Александріи, а послѣднее письмо

Ранний утромъ.

Первый снѣгъ.

его было получено ею изъ Неаполя. Послѣ-же него она совершенно потеряла Сережу изъ виду.

И она задумалась о племянникѣ. Живъ ли онъ? Здоровъ ли? Нѣсколько разъ уже она писала Ѳедору Игнатьевичу въ Таганрогъ, спрашивая его, не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Сережѣ, но онъ каждый разъ отвѣчалъ, что вѣроятно Сережа находится гдѣ-нибудь въ Англии или Голландіи — и больше ничего.

И вотъ она сидѣла теперь на крыльчкѣ, думала и прислушивалась къ крику перепеловъ, перекликавшихся въ пшеницѣ. И вдругъ что-то странное, совсѣмъ непохожее на этотъ крикъ, долетѣло до нея со степи.

«Сказать бы, колокольчики»... подумала она, — «да нѣтъ... У насъ съ колокольчиками никто не ѣздитъ... Что-жъ это такое?»

Тетушка Марья Игнатьевна притаила дыханіе и стала вслушиваться. Дѣйствительно, то былъ колокольчикъ. Его звуки то замирали гдѣ-то въ степи, то врывались въ хуторъ и отдаваясь потомъ за рѣкой, замирали снова.

— Господи!.. вскрикнула Марья Игнатьевна и бросилась къ воротамъ.—Никакъ это къ намъ! Ахъ, батюшки! Люди! Филиппъ, Марина, гдѣ вы?

Она совсѣмъ растерялась, схватилась за сердце и снова побѣжала на крыльцо. А колокольчикъ заливался все громче и громче, все бли-

же и ближе раздавался его звонъ и наконецъ тройка лошадей, волоча цѣлое облако пыли, съ шикомъ въѣхала во дворъ и остановилась у крыльца.

Два человекъ, одинъ уже сѣдой, а другой молоденькій, одѣтый въ морскую форму, оба сильно запыленные, выскочили изъ коляски и бросились къ старушкѣ. У тетушки Марьи Игнатьевны отнялись руки и ноги. Она склонилась у косяка и слезы градомъ полились у нея по щекамъ.

— Сереженька, ангель мой!.. Братецъ!—залепетала она.

Сережа бросился къ ней на шею, сталъ ее обнимать, она прижала его къ сердцу, плакала и не вѣрила своему счастью. А Ѳедоръ Игнатьевичъ стоялъ тутъ же и, желая змять наверхушія слезы, сморкался въ красный платокъ.

— Братецъ, родненькій! взвизгнула она наконецъ.—Да какими же судьбами?

— Да вотъ приплылъ Сережа въ Таганрогъ и меня захватилъ съ собою! А каковъ нашъ морячокъ? А? Одно слово—адмиралъ! Вѣдь приѣхалъ въ морское училище поступать!

А Сережа бросился въ комнаты, вбѣжалъ въ домъ, снова выбѣжалъ изъ него на дворъ и отъ радости просто обезумѣлъ.

— Какъ здѣсь хорошо! восклицалъ онъ.—Сколько цвѣтовъ! Какой воздухъ! Наконецъ-то я у себя,

въ нашемъ миломъ полтавскомъ хуторкѣ!

Марья Игнатъевна тоже обезумѣла отъ радости: она бросалась то къ брату на шею, то къ шкафу съ чайной посудой, то разыскивала какъ нарочно пропавшую куда-то скатерть. Она сознавала, что первымъ дѣломъ нужно было дать гостямъ поѣсть, но память совершенно измѣнила ей: рѣшительно она позабыла, гдѣ что лежитъ. Съ грѣхомъ пополамъ столъ былъ накрытъ кухаркой Мариной, гости усѣлись за него, а тетушка Марья Игнатъевна сѣла поодаль и никакъ не могла оторвать глазъ отъ загорѣвшаго, возмужалаго лица Сергѣя.

Насталъ вечеръ, тихій, нѣжный и ароматный. Отъ рѣки потянуло прохладой, отъ сада повѣяло акаціей и сиренью и гдѣ-то въ кустахъ зацелкалъ соловей. Усталый Федоръ Игнатъевичъ скоро задремалъ,

а Сережа и Марья Игнатъевна еще долго сидѣли въ саду и никакъ не могли наговориться послѣ долгой, томительной разлуки. А когда спустилась ночь и здѣзды одна за другой зажглись на небѣ, они взошли на покосившійся балконъ и стали смотрѣть на темныя деревья.

— Какъ здѣсь хорошо! Какая ночь! сказалъ Сергѣй. — Кажется, весь вѣкъ просидѣлъ бы здѣсь на балконѣ и вдыхалъ бы ароматъ.

— Да, Сереженька, промолвила Марья Игнатъевна въ отвѣтъ, — хорошо здѣсь у насъ! И все это принадлежитъ тебѣ, только для тебя одного я сберегала здѣсь все до послѣдняго пустяка и только для тебя одного я всячески старалась скопить лишнюю копейку, чтобы совершенно выкупить нашъ хуторокъ. Возьми-же его себѣ и владѣй имъ на здоровье!

М. Ч.

ПЕЧАЛЬНЫЙ ЛѢСЪ.

Въ дни лѣта солнышко съ небесъ
Ласкало міръ тепломъ и свѣтомъ;
Счастливо жилъ зеленый лѣсъ
Его живительнымъ привѣтомъ.

Дохла осень на него
Суровымъ холодомъ метели
И кудри пышныя его
Вдругъ развились и пожелтѣли.

Поникъ главой печальный лѣсъ
Передъ зимою безпросвѣтной,—
Все рѣже солнышко съ небесъ
Ему роняетъ лучъ привѣтный.

Ирисъ.

П Р І Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Нина Петровна долго не рѣшалась, какъ поступить. Она одна получила въ наслѣдство всѣ имѣнія и доходы послѣ своего дяди инженера Кирсанова, считала себя обязанной выполнить его волю относительно его воспитанницы Жени, — но по мѣрѣ того, какъ шло время и этой самой Женѣ приближались уже десять лѣтъ, она приходила все въ большее и большее безпокойство. Предстоящее присутствіе въ ея семьѣ чужой дѣвочки нѣсколько стѣсняло ее. Она боялась за своего сынишку Диму и за маленькую дочь Вѣрочку, какъ-бы эта чужая, неизвѣстная дѣвочка Женя не оказала на нихъ дурного вліянія, такъ какъ эту дѣвочку не зналъ никто и она завѣдомо воспитывалась у своей крестьянки—няни. Вся жизнь въ Ильинскомъ протекала въ тѣсномъ семейномъ кругу; Сергѣй Андреичъ и Нина Петровна были заняты исключительно воспитаніемъ Димы и Вѣрочки и, помимо дѣтей, ихъ не интересовали ни выѣзды, ни знакомства, ни управленіе доставшимся имъ отъ инженера Кирсанова Ильинскимъ. Поэтому-то вторженіе въ семью кого-либо посторонняго казалось имъ нарушеніемъ святости домашняго очага, но дѣлать было

нечего и приходилось теперь противъ воли мириться съ предстоящимъ пріѣздомъ Жени. Конечно, можно было-бы отдать ее въ институтъ, но и Нинѣ Петровнѣ, и Сергѣю Андреичу это казалось неблагоприятнымъ поступкомъ по отношенію къ памяти покойнаго инженера, отъ котораго они получили по наслѣдству все.

— Ужъ Богъ съ ней! сказала на семейномъ совѣтѣ Нина Петровна. — Пусть ужъ живетъ у насъ! Мы должны исполнить волю покойнаго!

Такимъ образомъ Женя должна была явиться въ домъ, гдѣ уже заранѣе были настроены противъ того, что она была пріемышъ и выросла у своей крестьянки-няни.

«Конечно», думала Нина Петровна, — «эта дѣвочка плохо воспитана, имѣетъ грубыя, мужицкія манеры и не умѣетъ себя держать. Какъ-бы она не послужила дурнымъ примѣромъ для Вадима и Вѣры!»

Долго думали затѣмъ, кто будетъ воспитывать эту Женю, и рѣшили наконецъ выписать для нея изъ Петрограда гувернантку. Кто-то порекомендовалъ имъ нѣмку Эльзу Христіановну и ея пріѣзда въ Ильинское ожидали со дня на день.

— Кстати, она присмотритъ и за

нашей Вѣрочкой! сказала Нина Петровна. — Все-таки и ей уже пора учиться языкамъ!

Затѣмъ, когда было все продумано и рѣшено, Сергѣй Андреичъ простился съ женой и дочерью, взявъ съ собою Диму и они отправились въ Крымъ за Женей. Сергѣй Андреичъ сказалъ супругѣ, что вернется дней черезъ десять, но задержался въ Ялтѣ съ продажей имѣнница Учъ-Коя, и ожидавшая его Нина Петровна сбилась со счета и перестала его поджидать. Онъ пріѣхалъ съ Димой и Женей въ Ильинское, не предупредивъ заранее телеграммой, когда всѣ уже спали, и кромѣ учителя его не могъ встрѣтить никто. Несмотря на значительное состояніе, доставшееся Нинѣ Петровнѣ отъ инженера Кирсанова, она съ мужемъ жила по привычкѣ скромно и въ Ильинскомъ, держала только двухъ горничныхъ, да и тѣ въ тотъ вечеръ, какъ нарочно, отпросились на свадьбу. Какъ разъ въ тотъ-же самый день, но только утромъ, пріѣхала изъ Петрограда Эльза Христіановна. Это была тощая, какъ палка, нѣмка въ очкахъ и съ гладко причесанной на проборъ головой. Она устала съ дороги, двѣ ночи не спала, жаловалась на головную боль и была не въ духѣ. Тѣмъ не менѣе она съ первой же минуты появленія своего въ Ильинскомъ принялась за исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей. Она очень не понравилась

Вѣрочкѣ, но вѣдь дѣти всегда такъ встрѣчаютъ гувернантокъ!

Въ самомъ концѣ корридора, въ антресоляхъ, для Жени была отведена маленькая комнатка, въ которой когда-то жила няня Егоровна, выселенная теперь за ненадобностью изъ усадьбы въ деревню. Старушка уѣхала туда въ нанятую для нея избушку со слезами и взяла съ собой туда и завѣтные фарфоровые часы.

— Всю жизнь свою прожила въ Ильинскомъ.., плакала она.—А вотъ на старости-то лѣтъ и умереть здѣсь не дали!... Ахъ, Аркашенька! Гдѣ-то ты теперь, голубчикъ? Ужъ ты-то не даль-бы меня въ обиду! Ты — Кирсановъ, а это—чужіе! Вѣдь ты нашъ единственный наслѣдникъ!

Такъ она причитала, а между тѣмъ ея комната уже заранее была предназначена для Жени. Въ уголку была поставлена простенькая желѣзная кровать, затѣмъ внесли бѣленькій шкафчикъ, столъ и вѣнскій стулъ— и это составляло собою всю меблировку будущаго жилища Жени.

«Не нужно пріучать ее къ роскоши», думала Нина Петровна.— «Кто знаетъ, какова-то еще будетъ ея жизнь впереди?..»

И повернувшись къ гувернанткѣ, Нина Петровна продолжала:

— Будьте особенно, фрейлейнъ, наблюдательны за этой дѣвочкой. Употребите всѣ ваши усилія, чтобы во время подавить въ ней всѣ ея недостатки. Пожалуйста, чтобы не

было этихъ вспышекъ гнѣва, которыя я такъ не люблю даже въ своихъ дѣтяхъ. Чтобы былъ порядокъ во всемъ. Ни малѣйшей роскоши. Чтобы она рано вставала и рано ложилась спать. Она должна знать, что она — пріемышъ, а не какая-нибудь графиня, и цѣнить то, что ей дадутъ образованіе и научатъ ее языкамъ. Она выросла при нянькѣ, одна, и потому требуетъ къ себѣ большого и настойчиваго вниманія. Поняли вы меня?

Гувернантка наклонила голову. Эта роль какъ нельзя болѣе подходила къ ея натурѣ. Но у нея цѣлый день болѣла послѣ дороги голова, — и она исполняла все, что ей приказывали, какъ машина. А когда наступилъ вечеръ, то она рано отпросилась къ себѣ въ комнату и улеглась въ постель, когда не было еще и восьми часовъ. Отъ разговоровъ съ ней заболѣла голова и у Нины Петровны и ушла рано спать и она.

Въ тотъ-же вечеръ неожиданно пріѣхали Сергѣй Андреичъ и Дима съ Женей. Какъ мы уже знаемъ, ихъ не встрѣтилъ никто, кромѣ учителя Ѳедора Степановича и затѣмъ Прасковьи, такъ что Женю пришлось укладывать въ кабинетѣ одну. Она проснулась тамъ среди ночи, испугалась своего одиночества, и если-бы не Прасковья, то навѣрное такъ и не спала-бы до утра. Но Прасковья успокоила ее и согрѣла ее своей лаской и дѣвочка заснула опять.

Кто-бы ни была эта женщина, но Женя теперь знала, что и здѣсь, на чужбинѣ, у нея есть кто-то невѣдомый другъ, и ей стало казаться, что она уже не одна, и послѣ горькихъ слезъ успокоеніе наполнило ея душу, усталость взяла свое, дѣвочка простилась съ Прасковьей, легла, повернулась на другой бочекъ и крѣпко заснула.

Ей показалось, что она не проспала и двухъ часовъ, какъ вдругъ услышала около себя чей-то голосъ:

— Вставайте! Вставайте!

Женя вскочила въ испугѣ. Было уже утро и около нея стояла Эльза Христіановна.

— Что такое? спросила Женя.— Что случилось?

— Пора вставать, отвѣтила гувернантка.—Ужъ восемь часовъ!

Женя тотчасъ-же стала одѣваться. Вся ея одежда была вычищена и тщательно сложена. Вѣроятно, это сдѣлала Прасковья.

— Вы должны одѣться въ пять минутъ! приказала Эльза Христіановна.—Черезъ пять минутъ я приду васъ причесать.

— Благодарю васъ, отвѣчала Женя.—Я могу и сама. Я всегда причесываюсь и заплетаю себѣ косы сама.

— Мнѣ приказала причесывать васъ сама Нина Петровна. Я должна ей безпрекословно повиноваться.

Гувернантка вышла и ровно черезъ пять минутъ явилась снова.

Но Женя уже успѣла причесаться и безъ нея.

Затѣмъ онѣ вышли въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ утренній чай. Тамъ еще не было никого. Проходя черезъ цѣлый рядъ комнатъ, Женя пугливо оглядывалась по сторонамъ. Домъ показался ей верхомъ роскоши и красоты. Повсюду были ковры, висѣли дорогія картины въ золотыхъ рамахъ, стояли статуи и бронзовые вещи,—и Женѣ даже и въ голову не приходило, что все это когда-то принадлежало именно ей и что въ этомъ самомъ домѣ протекли первые два года ея жизни. Сергѣй Андреевичъ еще не выходилъ, но дѣти уже проснулись и шумѣли въ дѣтской, очевидно швыряясь подушками, потому что въ столовую доносились ихъ смѣхъ и визжанье и слышно было, какъ что-то мягкое то и дѣло ударялось о стѣны.

Едва только Женя усѣлась за столъ, какъ горничная на большомъ серебряномъ блюдѣ подала ей чашечку чаю и кусочекъ масла, обложеннаго со всѣхъ сторонъ льдомъ. Женѣ стало неловко, что ей прислуживала горничная, она смутилась и встала.

— Не беспокойтесь... сказала она.—Я могу сама... мерси...

— Ничего, барышня, кушайте на здоровье! ласково отвѣтила ей дѣвушка.

И все время, пока она пила чай, горничная такъ почтительно отно-

силась къ ней, точно и она тоже была хозяйкой. Когда глаза ихъ встрѣчались, то горничная улыбалась ей и по этой ея улыбкѣ она поняла, что и это простая дѣвушка—тоже ея другъ, и ей было пріятно, что теперь она была не одна.

Свѣтило солнце, въ большія окна виднѣлся громадный старинный паркъ и около дома была масса цвѣтовъ. Женя уже четверо сутокъ не бѣгала по травѣ и не была на свободѣ и ей очень хотѣлось выйти сейчасъ въ паркъ и побѣгать по аллеямъ. Какъ ни было ей странно и чуждо въ чужомъ домѣ, но дѣтское любопытство пересиливало въ ней ея неловкость и ей хотѣлось выскочить на воздухъ, всюду сунуть свой носъ, поглядѣть, какъ здѣсь живутъ и что вонъ тамъ далеко, въ концѣ аллеи, дѣлаютъ какіе-то люди въ соломенныхъ шляпахъ—повидимому садовникъ и его помощники? Но въ тотъ самый моментъ какъ она отпила свой чай и подошла было къ окошку, чтобы выглянуть въ садъ, позади нея раздался веселый, ласковый голосъ:

— Здравствуй, Женя! Какъ ты себя чувствуешь? Спала-ли?

Это былъ Сергѣй Андреичъ. Женя обрадовалась ему и отскочила отъ окна.

— Здравствуйте, дядя! воскликнула она.—А я здѣсь пью чай.

— Ну, пей, пей... Надѣюсь, что ты не очень устала?

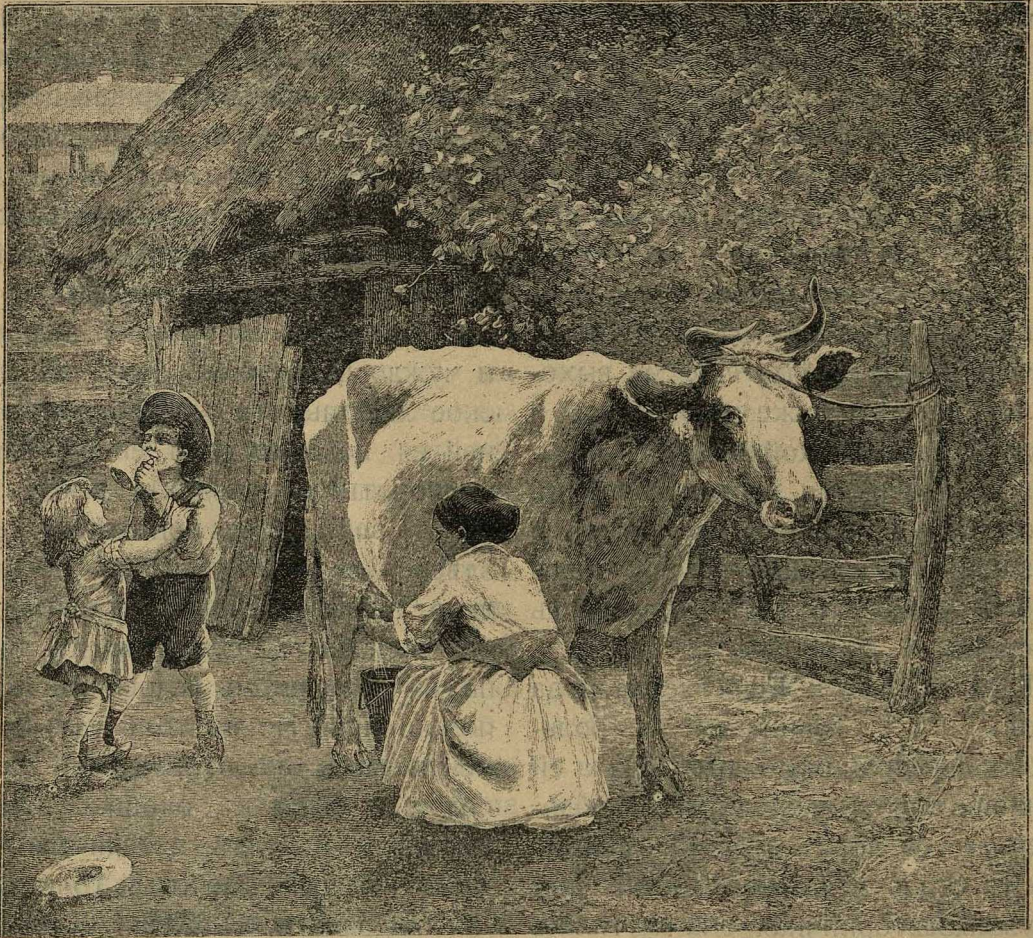
— Нѣтъ, я уже отдохнула отлично! А какъ, здѣсь у васъ, должно быть, хорошо въ саду!..

— Да, садъ у насъ большой. Вотъ подожди, сейчасъ выйдутъ Дима и Вѣрочка и поведутъ тебя погулять...

дѣтей и ему пришлось вернуться. На немъ повисли Дима и Вѣрочка.

— Папочка! Папа пріѣхалъ! кричала Вѣрочка и визжала отъ радости.

Она запрыгала вокругъ отца, какъ

Парное молочко.

Ему было неловко при новой гурвернанткѣ, съ которой онъ не былъ еще знакомъ, и сказавъ еще слова два-три съ Женей, онъ вышелъ изъ столовой. Но въ это время въ коридорѣ раздались голоса и топанье

коза, и захлопала въ ладоши. Но увидѣвъ вдругъ Женю, она подбѣжала къ ней, схватила ее за руку и потянула ее за собой.

— Ахъ, и ты здѣсь? воскликнула она.—Я тебя ждала съ такимъ не-

— Вы еще мало знаете и во многом еще отстали.

терпѣніемъ! Вотъ хорошо, что ты пріѣхала! Давай сейчасъ вмѣстѣ играть!

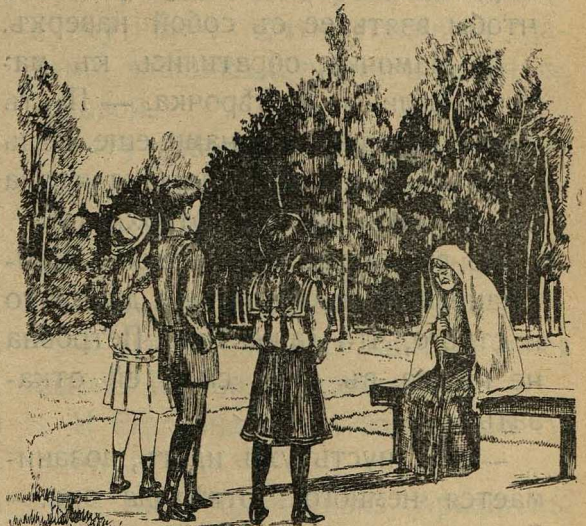
Она схватила Женю за плечи и завертѣла ее передъ собой.

— Какая ты славная! сказала она.—А я воображала тебя совсѣмъ не такой!

Женѣ она сразу понравилась своей искренностью и простотой. Она только что хотѣла вступить съ Вѣрочкой въ разговоръ, выбѣжать съ ней въ паркъ или посмотреть ея игрушки, но въ эту минуту въ столовую вдругъ вошла сама Нина Петровна. Гувернантка сразу же преобразилась, горничная вытянулась въ струнку. Ясно, было, что всѣ въ домѣ боялись ее, какъ хозяйку. Женя никогда до сихъ поръ не встрѣчала вокругъ себя ничего кромѣ расположенія и нѣжнаго довѣрія и по-

тому ей даже и въ голову не приходило, что кто-нибудь и гдѣ-нибудь можетъ отнестись къ ней иначе. Съ открытой душой, полная довѣрія и преданности, она бросилась прямо къ Нинѣ Петровнѣ и поцѣловала ей руку. Тѣмъ временемъ Вѣрочка повисла у нея на шеѣ, а Дима дружески, какъ молодой челоуѣкъ, представлялъ ее матери. Длинные косы Жени и превосходный цвѣтъ ея лица невольно обратили на себя вниманіе Нины Петровны.

— Ну, здравствуй, моя милая!.. сказала она. — Я думала, что ты меньше ростомъ, а ты выглядишь гораздо больше своихъ лѣтъ. Это хорошо. Что значитъ Крымскій климатъ!.. Ну, а теперь давайте всѣ пить чай.

— А это наша Егоровна, указала Вѣрочка на дряхлую старушку.

— Она уже пила! отвѣтила за Женю гувернантка.

— Ну, такъ пусть посидитъ съ нами, пока мы будемъ пить!

Вся семья усѣлась за столъ. Женю спрашивали почти всѣ, она должна была отвѣчать на всѣ вопросы, краснѣла и чувствовала, что отвѣчаетъ невпопадъ. Пока продолжался чай, она была, какъ на иголкахъ, и не замѣчала того, какъ щебетали около нея, точно птицы, Дима и Вѣра и какъ строили планы и загадывали впередъ. Затѣмъ Сергѣю Андреевичу доложили, что лошадь подана, онъ вышелъ, вскочилъ на нее и куда-то уѣхалъ верхомъ.

И вдругъ послышался чей-то сухой голосъ.

— Женя, уже девять часовъ! Пора идти учиться!

Женя вздрогнула и вскочила. Это обратилась къ ней гувернантка, чтобы взять ее съ собой наверхъ.

— Мамочка, обратились къ матери Вадимъ и Вѣрочка. — Пусть Женя посидитъ съ нами еще. Вѣдь она только что пріѣхала! Она устала съ дороги и ей надо отдохнуть.

Но выраженіе лица Эльзы Христіановны было настолько дѣловито и строго, что даже Нина Петровна не нашла въ себѣ силы ей отказать.

— Ну, пусть ужъ идетъ, позанимается немного!.. отвѣтила она. — Всего съ полчаса! А ты, Женя, постарайся во всемъ слушаться фрейлейнъ!

Женя не возражала и покорно, точно приговоренная къ смерти, пошла за гувернанткой. Онѣ поднялись по лѣстницѣ наверхъ, прошли черезъ корридоръ и вошли въ небольшую комнатку.

— Эта комната для васъ! сухо обратилась къ Женѣ гувернантка. — Вотъ ваша постель, а это вамъ столикъ для занятій. Садитесь и давайте учиться! Долгъ прежде всего.

Женя покорно сѣла за столъ.

Принявъ отъ инженера Кирсанова къ себѣ на воспитаніе Женю, няня Наталья Кирилловна употребляла всѣ усилія, чтобы не оставить ее безъ первоначальнаго образованія. Сама женщина темная, малограмотная, она тотчасъ-же, какъ Женѣ исполнилось семь лѣтъ, отдала ее сначала въ мѣстную земскую школу, а затѣмъ пригласила къ себѣ учительницу на домъ и та давала дѣвочкѣ уроки. Правда, Женя не знала языковъ, но во всемъ остальномъ она была далеко впереди Димы и Вѣрочки. И теперь, когда Эльза Христіановна задавала ей вопросы, дѣлала ей диктантъ и экзаменовала ее по ариѳметикѣ, то познанія Жени превзошли всѣ ея ожиданія.

— Конечно, вы еще мало знаете, сказала она, — и во многомъ еще отстали, но я думаю, что вамъ можно начать учиться и у Ѳедора Степановича. Впрочемъ, какъ рѣшить Нина Петровна. Вѣдь я лично ваша гувернантка и приглашена только

для васъ одной, а не для ея дѣтей.

Послышался около дома лошадиннй топотъ. Это возвратился изъ поѣздки Сергѣй Андреевичъ. Дѣти давно уже бѣгали по парку и ходили около оконъ, поджидая Женю, но она не выходила.

— А гдѣ-же Женя? спросилъ Сергѣй Андреевичъ у Димы.—Почему она не съ вами?

— Она съ новой гувернанткой учится! отвѣтилъ мальчикъ.—Вотъ уже скоро два часа!

— Съ перваго-же дня? нахмурился Сергѣй Андреевичъ. — Какъ это мило и гостепріимно! Не успѣлъ ребенокъ пріѣхать, какъ его уже засадили за книги!

И прямо съ сѣдла онъ отправился наверхъ и съ шумомъ распахнулъ дверь въ комнату къ занимавшимся.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Женюша? ласково обратился онъ къ дѣвочкѣ.—Чего ты сидишь въ душевной комнатѣ и не гуляешь? Бѣги скорѣе въ паркъ! Тамъ тебя ожидаютъ Дима и Вѣра.

Женя вспыхнула отъ радости и поглядѣла на гувернантку. Та нахмурила брови.

— Если этого желаетъ самъ мосье... сухо сказала она.

Точно птичка изъ клѣтки, Женя выскочила изъ комнаты. Едва только она вышла изъ дома, какъ къ ней подскочили Дима и Вѣрочка и стали рассказывать ей, съ какимъ нетерпѣніемъ они ее ожидали. А

затѣмъ Вѣрочка взяла ее за руку и стала водить ее по усадьбѣ и показывать ей все, что ей казалось достойнымъ вниманія и могло возбудить въ ея новой подругѣ интересъ.

— А это наша Егоровна! указала она на дряхлую старушку, сидѣвшую въ уголкѣ парка на лавочкѣ и грѣвшуюся на солнцѣ.—Она нянчила еще маминаго дядю инженера Кирсанова. Ей, должно быть, теперь больше ста лѣтъ!

Женя подошла къ старушкѣ и поздоровалась съ ней. Егоровна часто приходила изъ деревни въ паркъ и садилась въ уголкѣ, чтобы не помѣшать никому.

— Это Женя, бабушка! обратился къ ней Дима.—Она пріѣхала сюда изъ Крыма и будетъ здѣсь жить постоянно!

Старушка посмотрѣла на дѣвочку мутными, почти угасшими глазами, зашамкала губами и покачала головой.

—Ту дѣвочку тоже зовутъ Евгеніей!.. сказала она.—Когда-то та женщина ее ко мнѣ привезетъ?

— Какую дѣвочку? спросили дѣти.—Какая женщина?

— Да ея нянька!.. Какъ бишь ее звали? Натальей, кажется...

И Егоровна опять зашамкала губами.

— Ахъ, Аркашенька, Аркашенька!.. продолжала она.—И куда только ты уѣхалъ отъ насъ, куда ты скрылся? Вѣдь ты—нашъ родной,

ты — Кирсановъ! Ты единственный нашъ наслѣдникъ.

Дѣти постояли около нея, а затѣмъ взялись за руки и съ громкими, веселыми криками побѣжали обратно къ дому. Почувствовавшая свободу, Женя бѣжала быстро, такъ быстро, что Дима и Вѣра за ней не поспѣвали; ея голубое платье мелькало между деревьями, а серебряный веселый смѣхъ раздавался далеко за аллеей. Дѣти пробѣжали двѣ три аллеи и были уже около дома. Когда они мчались мимо террасы, то изъ окна кабинета, выходящаго на нее, выглянулъ Сергѣй Андреевичъ и, какъ показалось Женѣ, лицо его озарилось привѣтливой улыбкой. Въ эту же самую минуту на террасу отворилась дверь и въ ней показалась горничная.

— Димочка! Вѣрочка! крикнула она.—Пожалуйте, васъ мама зовутъ! Дима и Вѣра тотчасъ-же отправились къ матери, и Женя осталась одна. Она сѣла на ступеньку террасы и задумалась о нянѣ. Что-то она тамъ дѣлаетъ въ Крыму? Приѣдетъ-ли она когда-нибудь сюда? Здорова-ли она? Увидятся-ли онѣ? Но кругомъ свѣтило солнце, передъ глазами тянулся прекрасный старинный паркъ и около дома было такъ много цвѣтовъ! Трава была такая пышная, какой она еще ни разу не видала въ Крыму, солнце свѣтило жарко, все уже просохло отъ росы—и, какъ бывало и раньше въ Учъ-Коѣ, Женя сбѣжала съ

террасы, легла на спину на зеленый газонъ, заложила руки себѣ подъ голову и глядя въ безконечное голубое небо, стала пѣть. У нея былъ свѣжій, тоненькій голосокъ и она знала много пѣсенокъ, которыя научила ее пѣть учительница. Какъ вдругъ она слышала невдалекѣ отъ себя шаги Сергѣя Андреевича. Она смутилась, вскочила на ноги и смолкла. Онъ подошелъ къ ней, сѣлъ на скамью и притянулъ ее къ себѣ.

— Пой, дитя мое! ласково обратился онъ къ ней.—Отчего ты смолкла? Это очень пріятно, что тебѣ здѣсь весело! Я думалъ, что ты будешь здѣсь скучать.

И они еще долго разговаривали вдвоемъ о разныхъ разностяхъ. Она доверчиво прижалась къ нему и перебирала пальцами золотые брелоки, висѣвшіе у него на цѣпочкѣ, а онъ поправлялъ на ней волосы и, тихо улыбаясь, слушалъ ея откровенную болтовню. Оба знали теперь, что были близкими друзьями, а ему кромѣ того было жаль, что она была сирота и была такъ быстро, рѣшительно и безнадежно вырвана изъ своего дѣтскаго, насиженного гнѣзда.

— Нужно было-бы взять сюда съ тобой вмѣстѣ и твою няню.. сказалъ онъ задумчиво.—Не надо было-бы васъ разлучать... Да такъ ужъ вышло... Ну, что ужъ дѣлать! Такъ ужъ и быть!

Въ эту минуту раздался звукъ какого-то страннаго инструмента,

похожаго на глухой, не громкій ба-
рабанъ, и въ то-же время на мѣднѣй-
тазъ. Звонила дѣвушка на террасѣ.

— Кушать подано! крикнула она.—
Пожалуйте завтракать!

Сергѣй Андреевичъ и Женя от-
правились въ домъ. Когда Женя про-
ходила по корридору, чтобы помыть
передъ ѣдой руки, то откуда-то
изъ темнаго угла вдругъ выско-
чила Прасковья и припала къ ея
плечу.

— Милая ты моя! заговорила она
на распѣвъ.— Болѣзная ты моя! Ан-
гель ты мой архангельскій! Кокор-
ренька ты моя ненаглядная, какъ
ты сюда пріѣхала, такъ и началось
для меня тутъ около тебя царство
небесное!

Но въ это время изъ сосѣдней
двери вышла вдругъ Эльза Хри-
стіановна и, нахмуривши брови,
строго и сухо сказала:—

— Вы гуляете гдѣ-то одна, такъ
что васъ нигдѣ не найдешь... Дѣти
давно уже дома, а вы гдѣ-то сло-
няетесь въ паркѣ одна... За это
послѣ завтрака вы будете нака-
заны!

Въ сердцѣ Жени что-то оборва-
лось. Она хотѣла заплакать, но
сдержала себя и послѣдовала за гу-
вернанткой.

Боже мой, что она сдѣлала та-
кое, за что къ ней приставили эту
даму!?

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Тр.—

КЪ СОЛНЫШКУ.

Какъ только солнышко взойдетъ,
Какъ только красное проглянетъ,—
Въ природѣ все вдругъ расцвѣтеть,
Все жизнерадостнѣе станетъ.

Всѣ птички чуются живѣй,
Всѣ бабочки скорѣй летаютъ,
Журчитъ проворнѣе ручей,
Въ немъ рыбки стаями играютъ...

И звѣри ласковѣй тогда,
И человѣкъ тогда добрѣе.

Обида, горе и нужда—

Все забывается скорѣе.

Безъ солнышка жъ все въ тѣмѣ лежитъ,

Все кажется угрюмѣй, злѣе...

Такъ пусть же солнышко горитъ,

Пусть, красное, блеститъ свѣтлѣе!

Петръ Осипчукъ.

Въ старинномъ паркѣ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы семь словъ, означающихъ: 1., то, чѣмъ пишутъ, 2., то, черезъ что проходитъ въ комнату свѣтъ, 3., то, на чемъ катаются по рѣкѣ, 4., то, на чемъ учатся писать, 5., большой, круглый сочный, сладкій овощъ, 6., то, что даетъ обуви блескъ. 7., Первую книжку школьника.

Изъ первыхъ буквъ всѣхъ этихъ словъ нужно составить названіе большого южнаго города.

Какія слова задуманы и какой это городъ?

II.

Задуманы три слова, означающія:—

1., Вкусное блюдо съ начинкой. Послѣдній слогъ этого слова— орудіе защиты у звѣрей.

2., То, что человекъ долженъ соблюдать вокругъ себя во всѣхъ случаяхъ своей жизни. Второй слогъ этого слова—цифра.

3., То что бываетъ въ комнатахъ у дамъ.

Отъ перваго слова взять первый слогъ, отъ второго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, означающее огнестрѣльное оружiе.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

III.

Задумано слово, состоящее изъ девяти буквъ. Его буквы 1, 2, 3, и 4, означаютъ время покаянiя и воздержанiя. 3, 4, 5, 6, и 7—то, что

мы видимъ въ войскахъ и 4, 5, 6, 7, 8 и 9—русскую упряжь. Отгадать эти три слова и найти по нимъ задуманное слово, которое означаетъ возведенiе и оборудованiе кокогонибудь зданiя.

IV.

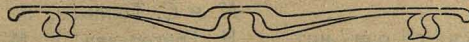
Задуманы три слова означающiя:—

1., То, безъ чего не мыслимо ничто живое на землѣ.

2., То, чѣмъ роютъ землю.

3., То, что согрѣваетъ въ одеждѣ наше тѣло.

Если эти слова поставить одно подъ другимъ, то ихъ можно читать и слѣва направо и сверху внизъ. Какія это слова.

ШАРАДЫ.

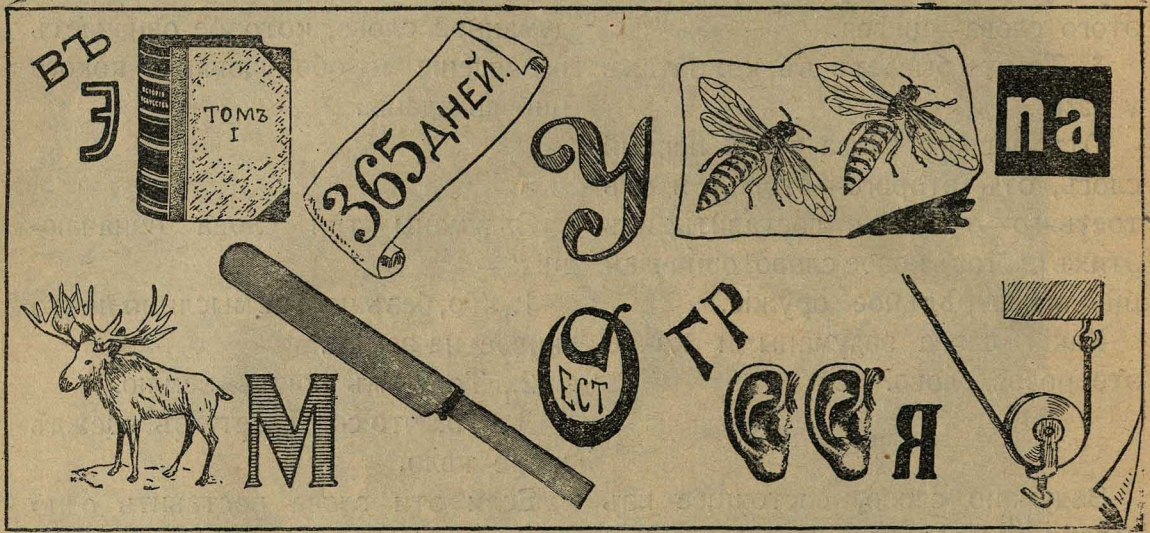
№ 1.

Кто ставить изгородь привыкъ,
Вбиваетъ тотъ меня въ землю
И гимназическiй языкъ
Мной называетъ единицу.
Второй-же слогъ имѣютъ быкъ,
И дикiй звѣрь, и китъ, и птица,
И щука, и слоновой клыкъ,
И нѣжный голубь, и лисица.
А вмѣстѣ все—не всякъ привыкъ
Безъ этой штуки обходиться:
Не ругань это и не крикъ,
А просто рѣзко говорится.

№ 2.

Шарада—лучшая забава!
Одесса, Ревель, Таганрогъ,
Бердянскъ, Архангельскъ и Ливава—
На этотъ разъ—мой первый слогъ.
Второй мой слогъ приплылъ когда-то
Когда обсохла часть полей,
Къ твердынямъ мрачнымъ Арарата
Съ громаднымъ домомъ для звѣрей.
А вмѣстѣ все, сложивъ два слога,
Узнать такъ просто, такъ легко!
Онъ шьетъ, кроитъ и часто много
Намъ портитъ суконъ и трико.

Ребусъ № 2.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе ребуса № 25, помѣщеннаго въ № 24 «Золотою Дѣтства»—

Пи + сани + я + м + ноги + хъ + с + очи + нит + ель + ей + ужъ + е + уста + р + ели = Писанія многихъ сочинителей уже устарѣли.

Вѣрные рѣшенія прислали: И. Бельбокъ, Юра Свицерскій, В. Алакозовъ, В. Кузьмина, П. и Ф.

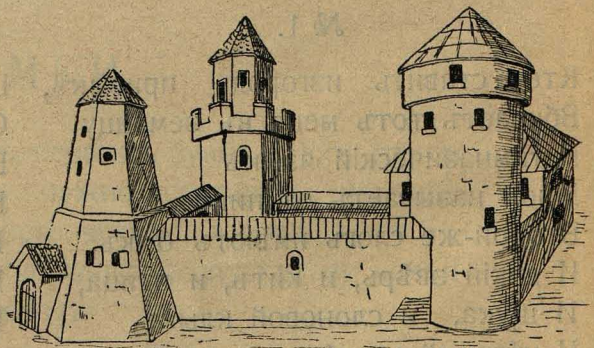
Темировы, В. Бугорчикова, О и В. Токаренко, М. и С. Толпыго, В. Андреевъ, Л. Калабуховъ, Н. Григорьева, Г. М. Афанасьевъ, В. К., и Л. Пильщиковы, З. К. Румянцевъ, В. Васильева, О. Степановъ, Ф. Бычковскій, Г. Малышевъ Н. Морозова, К., Т. и Е. Дубровины, С. Саффинова.

ТРИ КНИГИ за 1 руб. 60 к.

съ пересылкой:

1. „Дружокъ и Фомка“.
2. „Въ неволѣ“.
3. „Братъ и сестра“.

Выписывать можно **открытымъ письмомъ** изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

Модель приложения къ этому номеру.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ)

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается вѣдшимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложения въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**

(кулисы, занавѣсъ, декораціи, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложение, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.